

А. Ф. Шутов (Ижевск)

Некоторые переходные случаи выражения гипотаксиса в удмуртском языке

В узком понимании гипотаксис – это подчинение предложений [Ахманова 1969: 100; Розенталь, Теленкова 1985: 51]. Результатом выражения гипотаксиса, кроме сложноподчиненных предложений, являются предложения с инфинитными глагольными и прочими конструкциями, которые функционально соответствуют сложноподчиненным предложениям. К гипотактическим конструкциям, например, относят предложения с “дательным самостоятельным”, которые так широко употреблялись в древнерусском языке в функции сложноподчиненных предложений с обстоятельственными, изъяснительными и определительными придаточными предложениями. В “Исторической грамматике русского языка” [1978: 423] отмечается, что “на протяжении длительного времени дательный самостоятельный служил одним из важнейших средств выражения гипотактических отношений в русском языке”.

Основным результатом развития гипотактических отношений в удмуртском языке являются: 1) сложноподчиненные предложения с союзным (с помощью подчинительных союзов) и относительным (с помощью союзных слов) подчинением; 2) предложения с деепричастными, причастными, отглагольно-именными и другими конструкциями (как моносубъектными, так и немоносубъектными), являющиеся семантическими аналогами сложноподчиненных предложений.

Кроме указанных основных форм выражения гипотаксиса, в удмуртском языке имеют место некоторые переходные случаи и аномальные явления, которые мы приводим ниже (графика и пунктуация оригиналов примеров по возможности соблюдена, за исключением тех случаев, когда нет соответствующего изображения букв).

1. Общеизвестным является тот факт, что примыкание – наиболее древний способ связи простых предложений. В рамках примыкаемых простых предложений могут быть переданы не только сочинительные, но и подчинительные отношения (см. об этом: [Гаджиева, Серебренников 1986: 102]). В удмуртском языке нередки реликты того, когда в рамках двух примыкаемых предложений выражаются объектные отношения. Такие случаи возможны с глаголами типа *кожаны* 'думать', *малпаны* 'думать', *шуыны* 'говорить', *потыны* 'казаться' и другими. Не достигшая совершенства древняя гипотактическая конструкция возникла из двух предложений путем вклинивания потенциально возможного придаточного предложения в потенциально возможное главное предложение (согласно порядку слов "определение + определяемое" перед сказуемым второго предложения). Условно этот процесс можно выразить в виде следующей схемы: *Он придет + Я думал = Я он придет думал*.

Славянъёс каждой журтын журткузё вань кожало выльэм (Удмурт, 5). 'Славяне думали, что в каждом доме есть домово́й (букв. Славяне в каждом доме домово́й есть думали)'. *Мон тй выжытэм быремын кожасько вал* (Молот. 1938. № 1, 30). 'Я думал, что ваш род поголовно исчез'. *Тима кыдёкысен кутскиз, Микта Иванэз чылкак вунэ́тэм кожало́д*. 'Тима начал изда́лека, можно подумать, что про Ивана Никитича он совершенно забыл'. *Собере [гондыр] гижыосыныз конгыртйз но, дйсьме чаж-чаж кесяса, лобак жэутйз. Бырьськиз, малпасько* (Петров, 88). 'Потом медведь ковырнул когтями, разорвал мою одежду, легко забросил ее вверх. Пропал я, думаю'. *Сьольктэм адымиез великтэм уин кылчинъёс уин инме тубто шуо вал* (К. Митрей, 11). 'Говорили, что в ночь на пасху безгрешных людей ангелы поднимали в небо'. *Кышъяны кор өвёл шуо бере, выльзэ ку ай пуктод?* (Кенеш. 1998. № 6, 7). 'Когда еще построишь новое (здание), раз говорят, что для латания бревен нет'. *Короленкоен Баранов шоры ваньзы ик бадзым оскон мылкыдэн учко, та кык муртъёс соослзсь атай-*

ёссэс одно ик мозмытозы потэ соослы (Петров, 284). 'Все с большой верой смотрят на Короленко и Баранова: им кажется, что эти двое обязательно освободят их отцов'. *Аслам йырыным малпаса, аслам кыным заявление гождэй. Аслэсьтым будэтэм-вордэм тиме войнае келяй луэ* (Грязев, 35). 'Подумав своей головой, сам своей рукой написал заявление. Получается, что своего сына сам отправил на войну'.

2. Подлежащее потенциально возможного придаточного придаточного предложения принимает суффикс винительного падежа, т. е. происходит незначительное совершенствование подчинительной техники, указанной в пункте 1: *Он придет + Я думаю = Я его придет думаю*. В результате такого процесса бывшее подлежащее становится соотнесенным с обоими предложениями.

Перунэз соёс урод инмар шушлям (Удмурт, 5). 'Они считали, что Перун – плохой бог (букв. Перуна они плохой бог сказали)'. *Нош Кони сое огшоры гинэ паймиз кожсаз* (Петров, 306) 'А Кони подумал, что он просто удивился'. *Нош сое бригадысьтызы бигер пиен Сабитэн кушласькем шуо* (Красильников, 85). 'А про нее говорят, что она дружит с татаринном Сабитом из своей бригады'. *Вырись ымдуръёссэ адъыса, Соняез пияш змен ик маскаръяське кожсаз* (Волков, 69). 'Увидев ее подвижные губы, парень подумал, что Соня на самом деле шутит'.

3. Вышеуказанная трансформация подлежащего в винительном падеже в некоторых случаях произошла в придаточном предложении и смешанной прямо-косвенной речи.

Ми сое Израил калыкез мозмытоз шу́са оскимы вал (Бадзым, 48). 'Мы верили, что он освободит народ Израиля'. *Пуп лыктыса пырэм но сое кышно мурт шу́са солис луам: картэд кытын? шу́эм* (Гаврилов, 68). 'Поп вошел и, думая, что это женщина, спросил: Где твой муж?' *Купес верам: "Тй монэ чурит мурт шу́са – эн малпалэ"* (Яковлев, 28). 'Купец сказал: "Вы не подумайте, что я скупой"'. *Полинаез тон вож кофтаен кошкиз шу́са гождэ-мед допросын* (Самсонов, 138). 'На допросе ты написал, что Полина ушла в зеленой кофте'.

4. Смешение прямой и косвенной речи – явление исторически характерное для многих языков. Суть этого явления заключается в том, что косвенная передача чьей-то речи от прямой речи отличается лишь наличием подчинительного союза (в удмурт-

ском языке наличием постпозитивного союза *шуыса* 'что'), а 1-е и 2-е лицо при передаче чужой речи 3-им лицом не заменяется.

Солиҫ тубемзэ аджыса гондыр, монэ ҫыны тубэ шуыса курдаменыз кыз жылиҫен текчем но кулэм (Гаврилов, 57). 'Увидев, что он [кот] поднимается, медведь, испугавшись, что он поднимается, чтобы его [медведя] съест (букв. меня съест), спрыгнул с вершины ели и сдох'. *Соёс "жыт милемыз жэтйсь уз лу ни" шуса малпало* (Яковлев, 56). 'Они [насекомые] думают, что вечером их никто не будет трогать'. *Владимир сыҫе куриськыса ассэ улй карисько шуса малтам* (Удмурт, 15). 'Владимир подумал, что такой просьбой сам себя унижает'. *Шумпотэ Кельго: пййшур куосыз вузаса жеч нычал басьто шуса малпа* (Ошмес, 27). 'Радуется Кельго: думает, что, продав шкуры зверей, купит хорошее ружье'. *Зояен Макар котьмамы асьмелэн мед луоз шуыса тыршизы* (Красильников, 18). 'Зоя с Макаром старались, чтобы все у них было свое собственное'.

5. В удмуртском языке можно встретить гипотактические конструкции с плеонастическими оборотами, в которых имеется двойное (излишнее) обозначение субъекта действия – с помощью подлежащего и притяжательного суффикса при стержневом слове оборота.

Со вераськыкыз, тани вуе Іуда (Ев. 1847, 212). 'Еще какъ говорил Онъ, приходитъ Іуда'. *Сое ныр вылаз сюрес ваньысьтыз озьы нималлям* (Яковлев, 13). 'Его [носорога] назвали так оттого, что на носу у него имеется рог'. *Куке эксэймы Петр Великий шведъёсын жугиськыкуз, шведъёс сое юн жугыльлям* (Войнаысь ивор. 1917. 26 январь, 2). 'Когда наш царь Петр Великий воевал со шведами, шведы его сильно побили'. *Собере картэз умме усем бераз, азбаре потэм но бам кышетэныз сзъялтэм* (Сказка, 19). 'Потом, когда ее муж заснул, она вышла во двор и взмахнула носовым платком'. *Ма, тани ук, Нина Васильевналэсь скальёссэ но, ачиз пенсие потэмез бере, кенэз утялтэ* (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 4). 'Вот ведь и за коровами Нины Васильевны, когда она вышла на пенсию, ухаживает ее сноха'. *Мон нырысь урокме сётыкум, тй, Анастасия Леонидовна, сизьым шур йылын вал ай* (Молот. 1974. № 3, 22) 'Когда я давал первый урок, вас, Анастасия Леонидовна еще не было'.

6. Явление плеоназма в условиях активного русско-удмуртского двуязычия весьма характерно для удмуртской разговорной

речи. Так, например, оно проявляется в использовании двойных средств связи (союзов) в сложноподчиненном предложении, в начале придаточного предложения ставится русский союз, а в конце – постпозитивный удмуртский союз: *если – ке, хотя – ке но, раз – бере, что – шуыса* и т. п. Такие примеры можно встретить и в художественных произведениях, особенно в изданиях 40–50-х годов, в которых часто использовались русские синтаксические конструкции.

Нош маин кизёмы, ежели колхозэ пырымтэос вань ошъёсты вандыльзы ке (Шолохов, 88). 'А как будем сеять, ежели те, кто в колхоз не вступил, зарежут всех быков'. *Мон но Георгий Мелуа верамы, что раз губернатор кыл сётүз, со аслэстыз кылзэ возёз но ужасъёсты мозмытоз шуыса* (Молот. 1938. № 1, 44) 'Я и Георгий Мелуа сказали, что раз губернатор дал слово, – он сдержит своё слово и освободит рабочих'. *Нош мон ... раз мон кебитэн азмын но быгатйсько бере, мон котьку, туннэ кадь ик – колхозник, вань сюлмыным...* (Шолохов, 149). 'А я ... раз я заражен кузницей и умею, я всегда, как и сегодня – колхозник, всем сердцем...' *Хотя мон сое каяться кариськыны трос пол лопкытъяллай ке но, санэ өз басьты [Данё]* (Волков, 99). 'Хотя я ему много раз предлагал покаяться, он [Данё] не послушался'.

7. В удмуртском языке имеются случаи, когда изъяснительные придаточные предложения присоединяются к главному с помощью союзного слова и союза *шуыса* 'что'.

Пырыса-но гидэ, пуксиз варгюсынь цякляны, маинь та бырозь шуыса (Ев. 1847, 214). 'И войдя во дворь, сълъ со служителями, чтобъ видѣть, чѣмъ это кончится'. *Со пор разбойникюсы аджыса шып улэм, мар ужалозы шуса тэк ускъса пукэм* (Гаврилов, 60). Этотъ черемисинь, увидевъ разбойниковъ, притаился и смотрель, что они будутъ делать'. *Выль коньдон кеће потоз шуыса, вань Россіяысь калыкез адратэ* (Войнаысь ивор. 1917. 20 апрель, 8). 'Какими будут новые деньги, волнует весь российский народ'. *Соку тодэм ини, кинз сётоно шуыса* (Сказка, 46). 'Тогда уже узнал, кого надо отдать [водяному]'. *Кытчы мыныса, кытысь сое шедьтом шуыса, мар сюлмаськонэз сюлмаськи* (Волков, 22). 'Как я беспокоилась, куда пойти и где его найти'.

8. В близкородственном коми языке русскому союзу *чтобы* функционально соответствуют союзы *мед, медым*, возникшие из

частицы со значением 'пусть'. *Висьталіс гораа, мед ставныс кылісны* [Манова 1994: 169]. 'Он сказал громко, чтобы все слышали'. *Волісны, медым сёрнитны мекöд* (Там же, 169). 'Они приходили, чтобы поговорить со мной'. В удмуртском языке соответствующие вышеуказанным частица *мед* 'пусть', и отрицательные вспомогательные глаголы *медаз*, *медам* 'пусть не' также могут иногда употребляться в функции союза *чтобы*.

Озіень тельмыре арань кузіолы медь лезіозь арасіосызь арань-вылазь (Ев. 1847, 62). 'Итак молите Господина жатвы, чтобы выслать жнецов на жатву'. *Тань кусо азьэ виро сетскомь пурьсь тага. Уажкалаесь энъ вождэсь вае. Кусмыно медамь жадыэлэ, кимы, пыды медамь чогыськы* (Первухин, 24). 'Вот мы предъ сьнокосомь приносимь кровавою жертвою сьраго барана. Предки наши! не питайте гнѣва противъ насъ. Чтобы наши поясницы не уставали, руки-ноги намъ чтобы не обрѣзать'. *Тани ваньмыз пырозы но, нэнэе, чугунэз ёсутыса, картошка люкылоз...* *Со котьку умой чакла: быдъалазыя но огмындагес мед луозы, нокин ёсоже медаз усъы* (Яшина, 75). 'Вот все зайдут, и мать, сняв [с плиты] чугуна, распределит картошку. Она всегда хорошо следит, чтобы по величине они были одинаковы, чтоб никто не обиделся'. *Озы ке но, дасяськон ужрадьёс лушкеменгес лэсьтисько. Трос синъёс медаз адъе, трос пельёс медаз кылэ* (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 4). 'Как бы то ни было, подготовительные мероприятия проводятся тайком. Чтob много глаз не видело, чтob много ушей не слышало'.

Следует отметить, что в современном удмуртском языке русский союз *чтобы* более аутентично выражается постпозитивным союзом *шуыса* в сочетании с указанными словами *мед*, *медаз*, *медам* (Последние, т. е. частицы, в "Грамматике современного удмуртского языка" [1974] в качестве отдельных союзов не зафиксированы).

9. В удмуртском языке на стыке двух предложений, прерванных пунктуационно точкой, встречаются своеобразные средства связи – слово *озы* 'так' + постпозитивный союз *ке но* 'хотя', *бере* 'раз, коли', *ке* 'если'. Такие сжатые, редуцированные конструкции можно назвать микропридаточными предложениями, которые логически соотносены с предыдущим предложением: *Окыльналэсь отіе ветлэмзэ тодісь ой лась. Озы ке но, Окыльналэн мылдыз туж урод* (Ломагин, 223). 'О по-

хождениях Акулины никто не знал. Несмотря на это (букв. хотя так), настроение у Акулины очень плохое'. Редуцированную конструкцию (микропридаточное предложение) путем добавления к первому предложению союза *ке но* можно заменить без ущерба для содержания двух соотнесенных предложений полноценным придаточным предложением, ср.: *Окыльналэсь отиё ветлэмзэ тодйсь ой лась ке но, Окыльналэн мылкыдыз туж урод*. 'Хотя о похождениях Акулины никто не знал, настроение у Акулины очень плохое'.

Уно солдат кулйз, бырыз... Озы ке но, арми вормиз съод кый кадь дышмонъёсыз, эрказ кариз бусыосыз (Герд, 68). 'Много солдат погибло, полегло... Несмотря на это, армия победила врага, подобно черной змее, сделала вольными поля'. *Бусэн чоктам шур ярдурын мон ёжокамон куректйсько. Озы ке но, котьку дырын тонэ гинэ яратйсько* (Байтеряков, 105). 'На туманном берегу реки я до удушья страдаю. Несмотря на это, всегда только тебя я люблю'. *А мар-о, кужымыз вань на, дырыз вань на. Озы бере, номыр шуыса но уз чигна со* (Перевошиков, 71). 'А что, силы у него есть, время еще есть. Коли так, он ни в коем случае не будет отступать'. *Нёжсто вань улонэз озы ортчиз? Озы ке, соку ма кароно солы?* (Перевошиков, 70). 'Неужели вся жизнь его прошла так? Если так, тогда что делать ему?'

Приведенные выше конструкции могут употребляться на стыке предложений внутри сложного предложения: в этом случае микропридаточное предложение, как бы "перерождаясь", преобразуется в средство связи (данный случай аналогичен в удмуртском языке с историей причинного союза *малы ке шуоно* 'потому что', возникшего из вводной конструкции).

Ислентьевлэн учебникъёсыз устоесь вал, озы ке но, соос уже кутйськылйзы Удмурт шаерлэн лымшор пал школаосаз гинэ (Уваров, 27). 'Учебники Ислентьева были отличные, несмотря на это, они применялись только в школах южной части удмуртской земли'. *Астэ валад, астэ тодйид тон, озы бере, бадзым луид тон!* (Яшина, 28). 'Себя познал, себя узнал ты, раз так, стал ты взрослым'. *Пиньётэ куртчиськод, синъёсысьтыд тылгизыос пазьгисько, озы ке но, вормон сярсы малпаськиськод* (Грязев, 8). 'Стискиваешь зубы, из глаз сыплются искры, несмотря на это, ты думаешь о победе'. *Удмурт Республикаысь парламент кыл кутэ политикаез быдэсьян амальёслэн законъёслы тупамтэзы*

понна, *озьы бере*, *соосты право ласянь гинэ öвöл*, *адямиез гажан ласянь но дунья* (Удмурт дунне. 1996. 9 ноябрь, 2). 'Парламент Удмуртской Республики несет ответственность за несоответствие средств реализации политики законам, раз так, то дает оценку им не только с правовой стороны, но и с точки зрения уважения человека'.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что в процессе развития гипотактических отношений в удмуртском языке выделились различные переходные явления:

1) выявилась тенденция к совершенствованию подчинительных средств (двойные средства связи – 7-й п., перерождение конструкции – 9-й п.);

2) некоторые стадии переходных явлений имеют в современном удмуртском языке реликтовый характер (примыкаемые предложения – 1-й п., частица *мед* в союзной функции – 8-й п.);

3) различные аномальные процессы (плеоназм – 5-й и 6-й п., смешение прямой и косвенной речи – 4-й п.).

Некоторые из указанных явлений, особенно последнее (3), в какой-то мере можно объяснить слабостью синтаксических норм в удмуртском литературном языке.

Условные сокращения источников:

Бадзым – Бадзым пражникйос. Казань, 1874; *Байтеряков* – Н. Байтеряков. Кикыен вераськон. Ижевск, 1978; *Войнаысь ивор* (газета); *Волков* – А. Волков. *Кунай Олёк*. Ижевск, 1984; *Гаврилов* – Б. Гаврилов. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань, 1880; *Герд* – К. Герд. Гажан эше. Ижевск, 1978; *Грязев* – Г. Грязев. Кирень куректон. Ижевск, 1996; *Ев. 1847* – Господа нашего Иисуса Христа евангелие отъ св. евангелиста Матфея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчя. Казань, 1847; *Кенеш* (журнал); *К. Митрей* – К. Митрей. Вужгурт. Ижевск, 1926; *Красильников* – Г. Красильников. Вуж юрт. Ижевск, 1976; *Ломагин* – К. Ломагин. Котьку сюлэмын. Ижевск, 1993; *Молот* (журнал); *Ошмес* – К. Ошмес. Съöd нюлэсьёс палан. Ижкар, 1933; *Первухин* – Н. Первухин. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка, 1888; *Первоищиков* – Г. Первоищиков. Тулкымлы пумит. Ижевск, 1981; *Петров* – М. Петров. Вуж Мултан. Ижевск, 1954; *Самсонов* – С. Самсонов. Вужер. Ижевск, 1989; *Сказка* – Удмурт калык сказкаос. Ижевск, 1940; *Уваров* – А. Уваров. Югдыгйсьёс. Ижевск, 1994; *Удмурт* – Удмурт кылын календарь. Казань, 1907; *Удмурт дунне* (газета); *Шолохов* – М. Шолохов. *Жутэм выльвыл*. Ижевск, 1941; *Яковлев* – И. В. Яковлев.

Вторая книга для чтения на вотском языке. Казань, 1908; Яшина – Р. Яшина. Улон азинске. Жизнь продолжается. Ижевск, 1997.

Библиографический список

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Гаджиева Н. З., Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Синтаксис. М.: Наука, 1986. 285 с.

Грамматика современного удмуртского языка: Синтаксис сложного предложения. Ижевск, 1974. 168 с.

Историческая грамматика русского языка: Синтаксис: Простое предложение. М.: Наука, 1978. 448 с.

Манова Н. Д. Учимся говорить по-коми. Сыктывкар, 1994. 264 с.

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. 399 с.